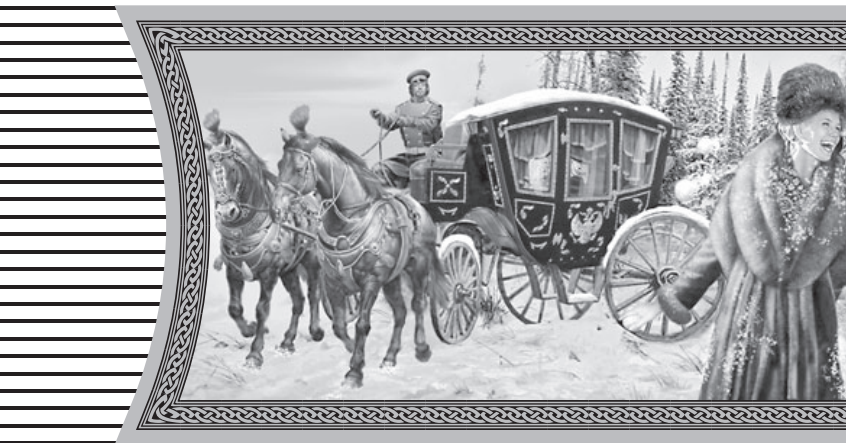

фантастическая
история

Книги Андрея Дая
в серии «Фантастическая История»

ПОВОДЫРЬ
ОРДЕН ДЛЯ ПОВОДЫРЯ
СТОЛИЦА ДЛЯ ПОВОДЫРЯ

МОСКВА, 2014

фантастическая
история

Андрей Дай
Столица для
поводыря

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Д12

Серия основана в 2010 году
Выпуск 85

Д12 **Дай А. Ю.** Столица для поводыря: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 345 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1652-3

История — тяжелая и неповоротливая штука. Но покоится на тончайшем острие настоящего. И стоит совсем чуть-чуть что-то изменить, как все известное поводырю грядущее обрушивается камнепадом. Главное — не попасть под обвал.

1865 год. Российская империя. Проклятый и прощенный губернатор, умерший в 21 веке, продолжает искупать грехи. Томская губерния должна измениться. Но у вельмож в столице империи на это может быть другой взгляд.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1652-3

© Дай А. Ю., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

Огромное спасибо сударыне Александре Андреевой и господам Алексею Герасимову (Сэй Алек), Сергею Гончаруку и Владимиру Цапovu за неоценимые советы и помощь в поиске информации

ПРОЛОГ

Столица праздновала, как в последний раз. Что в мое прежнее время, на полторы сотни лет вперед, что теперь, в 1865 году. Город другой, а традиции совершенно те же самые. Город, мнивший себя всей страной, взорвался безумными святочными сатурналиями. Усыпанный конфетти, до тошноты обожравшийся сладостей, ярко расцветенный елочными свечками во тьме умиротворенной империи.

Заботы и нужды, доносы и прошения волевой рукой генерал-губернатора оказались задвинуты подальше. За Обводной канал, в Россию. Санкт-Петербург вспыхнул газовой иллюминацией, яркими флагами и блестками. В центральной части внутри полицейских кордонов присутственные места покрылись еловыми венками. Дальше это новомодное немецкое украшение пока не проникало. Во избежание недоразумений, так сказать. Потому как темные крестьяне продолжали считать елку знаком питейного заведения.

На Невском конным экипажам приходилось пробираться сквозь толпы празднично наряженной публики, в основном штатской. Город негласно делился на две части: достойную высшей аристократии и офицерства и прочую — такую, как главный проспект, который при всей своей показной роскоши и помпезности оставался средоточием многочисленных лавок и магазинов, то есть чем-то торговым, плутоватым и продажным. А по ночам — еще и опасным. Прилично одетого господина здесь легко могли ограбить. И уж точно задержают непристойными предложениями тысячи проституток.

Зато в приличных, вроде Невской набережной, местах святочный разгул достигал истинно римского размаха. Лучшие дома держали двери открытыми, и на бесчисленные балы являлись запросто, без приглашений. Упившихся до помутнения рассудка гостей укладывали на коврах и кушетках...

В Английском клубе старики обсуждали молодежь и грустили о минувших временах порядка. Ностальгировали по эпохе владыки Николая Первого. В Немецком клубе, в павильонах Измайловского сада другие седовласые господа пили пиво и хвалились крупными пакетами долей в акционерных обществах. Те, что не успели обвешаться орденами и обзавестись чинами при прошлом императоре.

Молодые и те, кто к ним себя причислял, предавались веселью бездумно, без политической подоплеки. В Михайловском парке кадеты палили из ледяных пушек вырезанными изо льда ядрами и помогали институткам забраться по узким лестницам на самый верх высоченной ледяной горки. В Летнем пьяные до белых глаз конногвардейцы отобрали у цыган медведя и заставляли прохожих пить со зверем на брудершафт.

По Петровской площади кругами катались многоместные тройки с бубенцами, и «золотая молодежь» перебрасывалась шутками и тостами. Шампанским забрызгали брусчатку, помнящую кровь декабристов. Бронзовый Петр звал куда-то вдаль, вперед, к одному ему известной цели. Его не слышали и не слушали. Всем было не до скрытых в тумане будущего горизонтов. Парящий на легком морозце Петербург отдался развлечениям со всей широтой и педантичностью своей русско-немецкой души.

Глава 1

БЛЕСК

— Do you speak English?

Говорила мне мама — учи английский! Послушайся я ее тогда — не почувствовал бы себя невеждой тем вечером в Михайловском дворце. Но ни я, ни Герман к этому международному языку торговцев прилежания не имели.

— Французский или немецкий, ваше высочество?

— Ну этим-то, господин губернатор, нашу публику не удивить, — обаятельно улыбнулся наследник престола. — Идемте хоть в парк. Там нынелюдно и шумно. На нас не станут обращать внимания.

И тут же, совсем немного повернув голову, позвал:

— Вово, ты, конечно, составишь нам компанию? Неужто тебе не любопытен мой спаситель?

В голосе Никсы прозвучал столь легкий привкус сарказма, что, не будь я весьма заинтересованным лицом, нипочем бы не расслышал. Впрочем, к вящему моему огорчению, близкий друг цесаревича, князь Владимир Мещерский, тоже умел разбираться в оттенках настроения своего высокородного приятеля.

— Непременно, мой государь. Непременно! Ты же знаешь, экий я модник...

Сволочь! И ведь в морду не плюнешь. На дуэль не вызовешь. Все в рамках приличий. Ни одно имя не было названо, пальцем у прекрасно воспитанных поганцев тыкать не принято. Кому нужно — издевку и так поймет. Я же понял!

Князь действительно слыл известным модником. Теперь с легкой руки своих воспитателей-русофилов Николай Александрович ввел в столице моду на русские древно-

сти. Сначала в Аничковом дворце, а потом и повсеместно стали появляться молодые люди, одетые в кафтаны с меховой оторочкой времен Иоанна IV. Вот и теперь Мещерский щеголял соболями поверх терлика, расшитого золотыми петлицами с кистями, — такой наряд прежде, до Петра, носили царские охранники.

Но тогда, у садовых дверей Михайловского дворца, Вово говорил о другой моде. О той, что после рождественского заявления царя охватила аристократические дома столицы. О моде на меня, едрешкин корень, — спасителя Надежды России. О, как же я устал таскаться по скучным приемам! Как же меня бесят ничемные разговоры и один и тот же, задаваемый на разные голоса и с помощью разных слов вопрос: «Как вы думаете, дорогой Герман Густавович, успели заговор проникнуть в лучшие дома Санкт-Петербурга?» Что означало: «Рискнет ли Александр одним махом избавиться от недоброжелателей? От тянущих на себя одеяло власти династий? От проворовавшихся чинуш и обленившихся генералов?» Сейчас, пока об окончании сыска еще не объявлено, — самое время. И столица со страху ухнула в загул.

Приглашение на святочный прием во дворце великой княгини Елены Павловны с собственноручно сделанной припиской *«он непременно будет»* я воспринял как чудесное избавление от «общественной нагрузки».

Николай медленно шел по расчищенной аллее, время от времени, будто вспоминая, опираясь на украшенную серебряными узорами трость. Еще полгода назад и помыслить нельзя было о том, чтобы увидеть наследника престола проявляющим слабость. Теперь — нет. Теперь ему стало можно. Не обязательно стало целыми днями сопровождать в седле маневры гвардии, врачи категорически возражали против ежедневных прежде ледяных ванн. Трость — тоже теперь в порядке вещей. И этот высокий, узкоплечий и широкозадый цесаревич должен был быть мне благодарен.

Должен! Но не был. Я и раньше слышал, что наследник весьма сдержан в проявлении чувств. Видел, как он поджимает припухлую, как у всех юношей, нижнюю губу. Как по

лицу пробегает гримаса боли, когда он думает, что его никто не видит. Но ведь улыбка у него замечательная. Искренняя и открытая...

Еще этот Мещерский! Понятно, что молодой, младше меня лет на пять, чиновник по особым поручениям при особой канцелярии МВД, надворный советник и князь отчаянно ревновал цесаревича. Непонятно почему, кстати. В близники я к цесаревичу не набивался.

Впрочем, я не унывал. Провожают все-таки по уму. Даже в этом наряженном столице огромной империи городе на берегу неприветливого моря.

— А расскажите, будьте так любезны, как вы спасали мне жизнь, — почти безжизненным, потусторонним голосом выговорил наследник. Словно бы обязан был спросить, но никакого энтузиазма от этого не испытывал.

— Да какая теперь разница, ваше высочество, — хмыкнул я. Молодые люди мельком бросили в мою сторону заинтересованный взгляд. — Главное — все, слава господу, получилось.

— Так заговор есть или нет? — угрюмо полюбопытствовал Вова, пинками расшвыривая аккуратную снежную стену.

— Нет, конечно, — сделав вид, будто опечален необходимостью объяснять прописные истины, вздохнул я. — Неужели кто-то мог в это поверить?

— Но ведь этот... фрондер Мезенцев...

— Зачем же тогда? — перебил приятеля великий князь. — Чего вы намерены добиться, подняв весь этот шум?

— Я уже добился, ваше высочество, — улыбнулся я. — Вы под надзором опытных докторов. Ваше здоровье вне опасности.

Честно говоря, Никса не выглядел совершенно здоровым. Его явно все еще беспокоили боли в спине, лицо было слишком бледным, а белки глаз — желтоватыми. Но теперь юношу хотя бы не изводили чрезмерными нагрузками.

— Я вас правильно понимаю? Вы, господин действительный статский советник, хотите сказать, что я был смертельно болен? И как же вы узнали об этом? Или все это... —

юноша покрутил свободной от трости кистью руки, — вам предложил сделать Петр Георгиевич?

— Ваше императорское высочество, вы позволите мне говорить откровенно?

— Да-да, конечно. И давайте уже... Герман Густавович, по-простому. По имени с отчеством.

Князь Мещерский саркастически хмыкнул, но ничего не сказал. Мимо пронеслась ватага верещающих от восторга детей. За поворотом аллеи, за деревьями, начинался фейерверк.

— Николай Александрович, давайте уже оставим это. Приказывал мне принц или я сам, сидючи в Сибири, каким-то мистическим способом разузнал, что ваша жизнь в опасности, — какая теперь разница? Мне и моим покровителям, княгине Елене Павловне и принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому, все удалось. И довольно об этом.

Цесаревич нахмурился и приоткрыл было рот, собираясь что-то сказать. Что-то злое и жесткое. Я прекрасно понимал, что нельзя этак вот, грубо и дерзко, говорить с наследником престола, но все-таки снова решительно его перебил. В отличие от бормотавшего молитвы Германа я не испытывал никакого пиетета к царствующей фамилии.

— Мне ничего не нужно. Я не намерен добиваться для себя каких-либо должностей или чинов. Я и ордена-то не заслужил...

С рождественского приема в Зимнем дворце я вернулся в дом старого генерала с орденом Святого Равноапостольного Князя Владимира третьей степени на шее. С черным таким эмалевым крестиком на красно-черной ленточке и камер-юнкером в придачу.

— И в Петербург бы не поехал, коли Петр Георгиевич бы не настоял. У меня в Томске дел намечено — на две жизни хватит. Вот праздники пройдут, встречу с... с кое-кем — и уеду. Нужно успеть до распутицы...

— Недоимки спешите выбивать? — скривился князь. — Или полы в присутствии перестилать?

Никса фыркнул и полез за платком. Зима вносит свои коррективы. Холодный ветер с моря не только цесаревичу намочил нос.

— Какие недоимки? Какие полы? — удивился я. Откуда мне было знать, что это, по мнению молодых столичных либералов, основные занятия провинциальных губернаторов. Такую вот рекламу сделал нам господин Салтыков-Щедрин, едрешкин корень.

— Ну так похвалитесь своими делами, раз уж изволили воспользоваться приглашением государя. — Мещерский сам рыл себе могилу.

— Извольте, Владимир Петрович. Я расскажу... Осенью я начал готовить три экспедиции...

В пути, в холодном полутемном вагоне, было время подумать. Разложить по полочкам все свои проекты и начинания. Оценить вложения. И в людей, и в предприятия. Так что теперь я мог описывать свои деяния достаточно систематически и связно. Причем совершенно не боялся, что мне не поверят. Не то время, не тот мир. Здесь все еще принято доверять сказанному слову.

Да и кто же рискнет откровенно лгать наследнику престола Российской империи?!

— Теперь же, коли уж Богу было угодно отметить меня благосклонностью государя, я тешу себя надеждой заинтересовать столичных банкиров и сибирским металлом, и железной дорогой...

— И подсунуть царю свои прожектсы, — закончил за меня Вово.

— Разве у нас что-то может делаться без его ведома? — парировал я. — Рано или поздно я все равно должен был бы.

— Очень интересно! — приподнял брови цесаревич. — У вас, наверное, и основания к сим прожектсам имеются? Зачем-то же вы почитаете необходимыми эти ваши заводы в недрах Сибири.

— Конечно, Николай Александрович. Но это весьма долгий разговор. Я опасуюсь вас застудить...

Никса снова продемонстрировал мне свой обаятельный изгиб губ. Только теперь в глазах заместителя поселилась какая-то хитринка.

— К Крещению прибывает принцесса Дагмара. — Ему пришлось кашлянуть, чтобы выправить дрогнувший

голос. — Мне станет... трудно выделить вам достаточно времени. Однако же завтра... Приезжайте завтра ко мне. Привозите бумаги. Станем обсуждать. Во время своего путешествия я осматривал множество различных фабрик. И господин Победоносцев так живо...

Победоносцев? Ха! Вот о Консте, как Герочка и другие студенты Императорского училища правоведения звали будущего наставника цесаревича, я и забыл!

— Герман Густавович? — Никса насупился. — В чем дело? Что это вы так... Мне кажется, Константин Петрович ничем не заслужил этих ваших... кривляний.

Готов отстаивать симпатичных ему людей? Интересуется промышленностью? Господи, сделай так, чтобы у моего Отечества появился наконец путёвый повелитель!

— Простите, ваше высочество. Это нервное.

— Ну что там у вас? — процедил не поверивший отговорке Мещерский. — Рассказывайте уже.

— Я отправлял четыре письма. Великой княгине Елене Павловне — и она немедля отправилась в Дармштадт, князю Долгорукову — и он, мне не поверив, выбросил послание в мусорную корзину, графу Строганову — и он писал государю о моем предупреждении. А четвертое — профессору Победоносцеву. И что-то я не слышал, чтобы Константин Петрович предпринял какие-либо действия...

— Конверт мог затеряться в пути, — с беспечным видом отмахнулся Вово. Кого он хотел обмануть? Он явно был рад появлению компрометирующих Победоносцева сведений. Видимо, влияние московского профессора на Никсу молодого «рынду» как-то задевало. — Скажите лучше, откуда обо всем проведал этот фрондер Мезенцев?

— Я позволил прочесть свои послания томскому жандармскому штаб-офицеру, — честно ответил я, — а тот скорее всего доложил по инстанциям.

— Зачем? — хором удивились оба молодых человека.

— Я подумал, что начальник штаба жандармского корпуса, даже если не поверит в мое предупреждение о заговоре, тем не менее не преминет проверить. А самый простой способ это сделать — устроить вам, Николай Александро-

вич, врачебный консилиум. На всякий случай я даже указал имена наиболее знающих докторов, мнения которых якобы опасаются заговорщики. Я не предполагал, что Николай Владимирович устроит настоящий кавалерийский налет на Дармштадт...

— Да уж, — непонятно чему обрадовался цесаревич. — Генерал Мезенцев достаточно решительный и отважный офицер. Надеюсь, этих качеств окажется достаточно для ограждения нас от различного рода недоброжелателей. Вы, Герман Густавович, знаете, что Мезенцев испросил у папá чуть ли не полмиллиона? Собирается внедрять агентов в радикальные организации и оплачивать осведомителей.

— Дай-то бог, чтобы этого оказалось достаточно.

— Что опять не так? — чуть ли не прорычал Владимир.

— Вово! — одернул князя цесаревич. — Мне холодно. — И тут же гораздо более мягким тоном обратился ко мне: — Приходите ко мне завтра часам к четырем. Будут интересные люди. Я Сашу позову...

Можно подумать, я имею возможность отказаться! На следующий день у меня были намечены две важные встречи. С генерал-майором в отставке Чайковским и с красноярским купцом Сидоровым, прикатившим в столицу следом за нами. В своем доме на Сергиевой Михаил Константинович устраивал «северные» вечера. Угощая гостей морошкой, клюквой и редкой речной рыбой, пропагандировал, таким образом, развитие северной Сибири. Жители столицы угощения принимали, но деньги в тундру вкладывать не спешили. Вот чтобы в приватной беседе попытаться обсудить причины такого пренебрежения, мы и сговорились встретиться.

Илью Петровича же Чайковского — как выяснилось, действительно отца всемирно известного в будущем композитора — я хотел пригласить к себе в Томск на должность управляющего металлургического комбината. Старшие его дети были уже достаточно взрослые, чтобы иметь возможность самим позаботиться о себе. А младшие, близнецы Анатолий и Модест, вполне могли окончить гимназию и в столице моей губернии.

И теперь мне нужно было отменить один из этих визитов. Даже если отправиться к Илье Петровичу на окраину города с самого раннего утра, что вообще-то в праздничные дни несколько неприлично, к Сидорову я уже никак не успевал.

— Vous par quelque chose êtes préoccupés, mon ami?¹ — Тончайшие струйки парфюма вперед голоса предупредили меня о приближении хозяйки Михайловского дворца, великой княгини Елены Павловны. — Nikolay est parti déjà?²

Кстати сказать, путешествие по германским княжествам пошло вдове на пользу. Герочка, пользуясь тем, что его никто, кроме меня, не слышит, высказался несколько более цинично и конкретно. Но что позволено ишаку, не дозволяется падишаху. Кому интересно мнение партизана моего мозга? Тем более что княгиня ничем не заслужила такого к себе отношения.

— Да, ваше высочество. Цесаревич со своим другом уехали. Мне кажется, у Николая снова боли в спине.

— Бедный-бедный юноша, — покачала головой пожилая покровительница наук и искусств. — Поверь мне, милый Герман, это совершенно мучительно — наблюдать боль наших детей. Бедная-бедная Маша... Мы ездили с ней в Хайлигенберг, ты знаешь, она провела там детство... Плакали на груди друг у друга...

— Очень жаль ее величество императрицу Марию Александровну. Но ведь теперь все непременно станет хорошо. Никса в руках отличнейших докторов, не так ли?

— Ах-ах, Герман. Материнское сердце не обманешь! Маша молит Господа каждый день о здоровье своего старшего сына... Но...

— Но?

— Господин Пирогов признался, что болезнь наследника не поддается лечению. Они со Здекауэром в силах лишь сдерживать ее течение на какое-то время. Бедную Машу

¹ Вы чем-то взволнованы, мой друг? (фр.)

² Николай уже уехал? (фр.)

это просто убивает! Мадемуазель Тютчева поделилась секретом платков императрицы...

— Что, мадам? Платки?

— Ах да! Прости-прости. Ты не знаешь... Она кашляет и прикрывает рот платочками. Нюрочка Тютчева однажды увидела на ткани кровь...

Княгиня сделала знак замолчать. Мимо, особо не торопясь, проходили какие-то господа и дамы, не преминувшие остановиться подле хозяйки и похвалить святочный прием.

— Ты ведь так и не был представлен императрице Марии Александровне, — продолжила Елена Павловна, когда навязчивые гости отправились наконец в сад. — А она ведь спрашивала о тебе. Императрица много умнее, чем может показаться. И она ничуть не поверила этому Ольденбургскому. Петр Георгиевич замечательно умеет заботиться о детях и юношах, но его вмешательство в дело было совершенно излишним. И даже поставило его в несколько двусмысленное положение. На самый главный вопрос государя кузен так и не нашелся чем ответить...

— Что же это за вопрос, ваше высочество?

— Ах, Герман, Герман. Ты так вырос, возмужал. Стал настоящим начальником там у себя в диком краю! И все же остался тем же любопытным и невоздержанным мальчишкой... Конечно же государя занимает то же самое, что и весь остальной свет, — как же стало известно о болезни цесаревича? И не смей пытаться меня обмануть! Я знаю, не все можно доверить бумаге. Но это не значит, что я должна верить всему этому туману, что ты там напустил. Ну же?

Я ждал этого вопроса каждую минуту, с тех пор как Александр Второй в присутствии трех или четырех сотен столичных чиновников, заливаясь слезами от волнения, вручил мне Владимира и объявил спасителем цесаревича. Ждал и приготовил даже несколько ответов. Так что тогда следовало лишь выбрать нужный.

— Только не нужно все валить на многострадальных духов, — поморщилась княгиня, по-своему истолковав мое за-

мешательство. — Ты же знаешь, я не разделяю новомодное увлечение света этими спиритическими эквилибристами...

И точно. Столица по-настоящему заболела мистическими учениями. У меня на комодке валялось с полдюжины приглашений поучаствовать в сеансах вызова духов.

— Елена Павловна, — укоризненно взглянул я на княгиню. — Какие уж тут духи... Только...

— Пойдем присядем, — легким наклоном головы поприветствовав очередного гостя, потянула она меня в зеленую гостиную.

Огромная зала была заставлена кадучками с живыми растениями. Некоторые из них достигали трех или даже четырех метров в высоту. Другие, вьющиеся, оплетали специально сделанные из деревянных прутьев ширмы. Обитые зеленым атласом диванчики и кресла совершенно терялись в этом буйстве жизни.

— Ну-ну, Герман. Не сомневайся. Я смогу сохранить твой секрет, — хищно прищурившись, заявила хозяйка дворца, устроившись на кушетке среди тропической листвы.

— О, ничего секретного, ваше высочество! — Я дождался нужного жеста и сел на банкетку рядом. — Однако я бы не хотел, чтобы эти сведения становились жертвой досужих языков. Во всяком случае — не сейчас.

— Уж не затеял ли ты, *mon ami*, тайное общество? Надеюсь, ты не намеревался каким-либо образом вредить моей семье?

— Что вы, мадам! Отнюдь. Мы желали бы лишь все силы приложить к переменам в Отечестве. Дать землю крестьянам, которую у них украли ретрограды. Пусть в Сибири, но столько, сколько они смогут обработать. Построить заводы и фабрики. Открыть новые торговые маршруты и дороги, в том числе железные. Наполнить страну деньгами. Показать смекалистым купцам, что в развитие страны выгодно вкладывать капиталы. Помочь инженерам выдумать самое современное, самое лучшее оружие...

— Да-да. Конечно, Герман. Это все чудесно. Но зачем же тайно и при чем тут бедный больной Никса?

— Я и не говорил, что тайно. Такие дела трудно скрыть... Просто... Как говорит друг Николая Александровича князь Вово — нынче не модно печься о благе Родины. Сейчас все озабочены набиванием собственной мошны... А цесаревич... С ним мы связываем надежды на то, что нам не придется больше скрывать свои намерения. Что программа развития страны получит когда-нибудь высочайшее одобрение.

— И все-таки, все-таки я не соображу, как же это связано со скрытой болезнью наследника.

— У нас есть люди, умеющие как-то по-особенному слышать общедоступные известия. Что-то из одной газеты, что-то из столичных слухов или из болтовни двух неумных фавориток. Кто-то кому-то что-то высказал, не подумав. Мозаика постепенно заполняется нужными камешками. И вот уже перед нами отчетливая картина... Так вот. Эти люди смогли мне доказать, что его императорское высочество серьезно болен и что поездка по Европе может стать для него непосильным испытанием. Один... господин, отличнейший, просто превосходный врач, даже поставил Никсе, никогда цесаревича не видя вблизи, диагноз. Нужно было немедленно что-то делать. Пришлось изобрести несуществующий заговор.

— Не слишком-то мне верится в этих чудесных господ, умеющих видеть невидимое, — после минутного раздумья честно призналась Елена Павловна. — Мнится мне, что у тебя есть кто-то при дворе... Кто-то из лейб-медиков, не смевший затеять эдакое-то дело... Хотя и он вряд ли бы смог... Нет-нет. Я положительно теряюсь в догадках... Если только... О да! Это все объясняет! Скажи, Герман... Скажи, цесаревич знает об этом твоём обществе всероссийских попечителей?

— Не могу утверждать со всей определенностью, мадам. Но подозреваю, что да.

— Вот-вот! Mon ami Герман, не думал ли ты, что заботу о своем здоровье мог проявить сам Никса? Я всегда говорила, что маленький Николай — хитрый и расчетливый юноша. И ни один человек во всем свете не сможет со всей

определенностью сказать, что же у нашего наследника на уме.

— Поразительно! Сударыня! Мне бы такое и в голову не пришло!

Пришло, и даже уже нечто подобное «ушло» в сторону Мезенцева. Но чем больше людей станут думать, как княгиня, тем меньше глупых вопросов мне зададут. Ничего не имею против, если вместо меня от любопытства обывателей будет вынужден отбиваться Николай Александрович Романов. Тем более что ему это сделать не в пример легче. Послал всех куда подальше открытым текстом, да и все. А родителям и братьям с сестрами сказал, что знать ничего не знаю и ведать не ведаю. Доказательств-то нет! Кроме моих четырех писем и одного жандармского рапорта, где цесаревич упоминается только как потерпевший.

— Будь, пожалуйста, осторожнее, Герман, — сменила гнев на милость княгиня. — Не то тебя втянут, прикрываясь возвышенными словами о долге перед Отчизной, во что-нибудь нехорошее. Дурные люди непременно постараются воспользоваться твоими чистыми помыслами, дабы обделать свои делишки... Впрочем... Пользуйся, милый, благосклонностью государя и государыни. И не смей быть стеснительным и думать, будто бы это неловко! Многие-многие люди с гораздо более низменными целями ею пользуются... И не бойся использовать мое к тебе расположение. Поверь, Герман, впервые за последние три года я почувствовала себя действительно нужной и... живой.

Княгиня остановила проходившего мимо бесшумной тенью лакея с серебряным подносом, полным бокалов с шампанским. Подхватила один, и мне пришлось последовать ее примеру.

— Представляется мне, уж не вам, ваше высочество, жаловаться на скуку, — осторожно начал возражать я, отхлебнув французской кислятины. — Все эти неисчислимые благотворительные общества, консерватория, Вольное экономическое общество...

— Ах Герман, Герман, — отмахнулась женщина. — Это, право, такая суета. Знал бы ты, какой восторг испытыва-

ешь, когда деяниями своими можешь действительно изменить жизнь всей страны! Эти несколько месяцев в конце шестидесятого года, когда мы с Эзопом и Машей ежедневно посещали Александра...

Елена Павловна умолкла на полуслове и поспешила пригубить напиток. Можно подумать, история о том, как они с императрицей и великим князем Константином Николаевичем по прозвищу Эзоп уговорили или даже заставили колеблющегося царя подписать-таки манифест об отмене крепостного права, давно не стала общеизвестной.

И как я мог забыть о такой дате тогда, на Сибирском тракте! Девятнадцатое февраля 1861 года! День признания русских крестьян людьми. День, после которого их больше нельзя было продать, как вещь.

Я смотрел тогда в затуманенные воспоминаниями глаза Елены Павловны и думал, что во вдове Михаила, брата императора Николая Первого, увядала великая императрица. С энергией, образованностью и целеустремленностью этой женщины, попади она на трон империи, история могла бы сложиться совершенно иначе. Да и как союзник и проводник в лабиринте столичных интриг она была настоящей находкой и подарком Провидения.

— Но ты, кажется, озабочен чем-то другим? Что же еще стряслось?

Охотно поделился своими затруднениями. Княгиня попросила уточнить, попутно похвалив студента Петербургской консерватории, старшего сына генерала Чайковского, Петра. Оговорившись, правда, что «эти эфебофилические наклонности сужают круг общения этого молодого и, несомненно, талантливое человека». И намекнула заодно — «кстати, тот самый Вово также замечался в компании известных своей склонностью к содомскому греху господ». А выслушав краткую характеристику красноярского купца и его прожекта, немедленно предложила организовать тому доклад в Вольном экономическом обществе.

— Я напишу ему, — загорелась княгиня новой идеей. — Завтра же к полудню пришли посыльного. Думается мне, это будет куда лучше его самоедских кушаний для празд-

ной публики... И, кстати, почему бы и тебе не выступить там же? Зная тебя, не на миг не усомнюсь в том, что у тебя давно готовы все доводы к переменам в сибирской губернии. А я приглашу на твою лекцию покладистых корреспондентов газет. По нынешним временам бойкое перо куда как скорее достучится до умов, чем хождение по инстанциям!

Я выразил сомнения в своем литературном таланте и тут же получил многословную отповедь. Елена Павловна весьма саркастично относилась к современной литературе.

— И этот, как его там... Кандальник... Вместо того чтобы приговаривать «que faire?»¹, лучше бы занялся делом. Даже мне понятно, что сотня отменно образованных господ гораздо полезнее стране, чем сомнительные сны какой-то безвестной мешанки. А ведь как начинал! Эта его работа... «Эстетические отношения искусства к действительности», кажется. Да-да! Эта диссертация наделала столько шуму...

В конце концов я позволил убедить себя в том, что у меня хватит ума преподавать идею необходимости скорейшего развития Сибири так, чтобы это заинтересовало общество. А там хорошо оплаченные журналисты сгладят шероховатости и преподнесут мои слова так, что не заметить, проигнорировать не посмеют ни в одном министерстве.

— Ныне иные времена, — неожиданно грустно сказала на прощанье великая княгиня. — Я твоими стараниями снова вхожу в кабинеты... Так и там читают газеты. Возвратившийся с лечения Эзоп подговаривает Сашу отменить цензуру. Говорит, это стыдно теперь — не позволять гражданам мыслить вольно. Страшно мне, Герман. Газетчики — страшные люди. Коли их никто цензурировать не станет, так они и в окна подглядывать начнут, и всякие мерзости на потеху публике печатать. Это же гадко...

Эх, княгиня! Если бы ты знала, во что выльется эта свобода печати. Как британская принцесса станет скрываться от навязчивых папарацци и погибнет в итоге в страшной автокатастрофе. С каким извращенным смакованием начнут рыться в грязном белье! Как станут раздувать мало-ма-

¹ Что делать? (фр.)

льские скандалы и на полном серьезе интересоваться мнением о международной политике у пустоголовых звезд эстрады. Господи, какое счастье, что в это благословенное время клоуны еще не победили рыцарей!

Всю дорогу до набережной Фонтанки я размышлял о способах управления общественным мнением. Ну почему я не специалист по пиару? И где бы такого найти в 1865 году от Рождества Христова?

А дома отец и вовсе придавил. Криво ухмыляясь, сообщил, что шестого, на Крещение Господне, мне предстоит разорваться пополам. Каким-то фантастическим образом успеть поприсутствовать на церемонии крещения датской принцессы Марии-Софии-Фредерики-Дагмары в Царском Селе — приглашение от имени его императорского высочества цесаревича Николая уже дожидалось меня на комодке, — и в этот же самый день на Фонтанке, в казенном доме у Египетского моста, нас ждала на смотрины невесты семья Якобсонов. Между двумя частями меня должно было оказаться двадцать пять верст, и всем плевать, как у меня получится побывать и там и там. А старого генерала, похоже, это еще и забавляло.

Я ничего не имел против того, чтобы Густав Васильевич немного поразвлекся. Да и не о том голова болела. Следовало приготовиться к завтрашним визитам.

Если бы Герман столь же хорошо разбирался в придворных интригах, как в городских достопримечательностях, цены бы ему не было. Тем не менее гид у меня в голове так торопился выплеснуть знания о столичных окраинах, что ни о чем другом думать просто не получалось. Каждому мосту, статуе на мосту, улице от моста или переулку от улицы соответствовала своя история или легенда.

Понятия не имею, зачем мне это, но благодаря Гере я узнал, что Литейный проспект, на который экипаж свернул с Невского, — один из старейших в граде Петра. И что к востоку от проспекта раньше, лет еще сто назад, кроме барачных рабочих и солдатских казарм, жилых зданий вовсе не было. И называлось это все Артиллерийской слободой. А улочки

между временками — номерные Артиллерийские линии и, как ни странно, Артиллерийские улицы. Тоже с номерами.

У особняка Орлова-Денисова свернули направо, к Преображенской площади. Потом, объехав по кругу гигантский Спасо-Преображенский собор, мимо доходного дома Татищевой попали в Спасский переулок, с которого оставалось всего ничего до Кирочной.

Кирочная была названа... в честь кирхи¹. А если точнее — в честь церкви Святой Анны, или Анненкирхе, старейшей лютеранской церкви Санкт-Петербурга. Ее построил еще соратник Петра Великого, первый обер-комендант новой столицы Роман Брюс. Правда, первоначально она располагалась в Петропавловской крепости и лишь потом, сто лет спустя, была перенесена к Пятой линии Литейной части, где в то время проживало много лютеран, в основном служащих Литейного двора.

Через переулок, в громадном доме номер пять, располагались офицерские казармы столичного жандармского дивизиона. А чуть дальше, во втором доме, — Главное казначейство Министерства финансов. Так что в доходных домах, которые стали спешно отстраивать вдоль Кирочной, проживали большей частью государственные бухгалтеры. И в квартире номер шесть по Кирочной семь — генерал-майор в отставке Илья Петрович Чайковский с детьми.

Который, судя по словам дворника — «тама оне, тама», был дома, но двери гостю открывать не торопился.

— Илья Петрович, откройте, пожалуйста, — крикнул я, устав дергать за веревочку звонка. Волшебство из «Красной Шапочки» не срабатывало. — Я знаю, что вы дома.

Спустя несколько минут из-за преграды донесся тонкий детский голос:

— Папа приболел и не принимает. Он сказал, что непременно оплатит векселя завтра же.

— А ты Модест или Анатолий? — коварно поинтересовался я.

— Анатолий. — Мальчишка печально вздохнул. — Модест в театр с Петром уехал еще утром.

¹ К и р х а — лютеранская церковь.

Ого! Я даже начал сомневаться, что приготовленные подарки — два одинаковых ружья «Allen & Wheelock Drop Breach» лондонского мастера-оружейника Гарри Холланда 22-го калибра — понравятся увлекающимся театром четырнадцатилетним пацанам.

— Анатолий! — как можно убедительнее воскликнул я, непроизвольно переходя на французский. — Передай Илье Петровичу, что к нему с визитом явился Герман Густавович Лерхе, томский губернатор.

— Конечно, месье. Минуту.

Почему я сразу не догадался звать хозяев на парижском наречии? Еврейские ростовщики, которым умудрился задолжать генерал-майор, второго языка русского дворянства не ведали.

Вскоре дверь открылась, и мы с моим денщиком Артемкой, тащившим пакеты с подарками, смогли войти в небогатую, но чистенькую квартирку. Чтобы обнаружить, что она гораздо меньше, чем можно было ожидать от дома бывшего директора Санкт-Петербургского технологического института. И много беднее, чем приличествует генералу.

По моим сведениям, старший из детей генерала — Николай, окончивший Горный институт, служил тогда в чине инженер-поручика в Вильно товарищем начальника паровозного депо. Тот самый Петр Ильич должен был вот-вот окончить обучение в Петербургской консерватории; Ипполит, прошлым летом получивший чин гардемарина русского флота, служил где-то на Каспии. Все три дочери генерала были уже замужем. Так что я ожидал увидеть в доме старого Чайковского только самых младших его детей. Однако встретить меня в прихожую вышла какая-то полная и невысокая женщина лет сорока.

— Действительный статский советник томский губернатор Герман Густавович Лерхе, — отрекомендовался я и сбросил пальто на руки Артемке. — Прошу прощения за вторжение, однако дело мое не терпит отлагательств... Эм... С кем имею честь?

— Елизавета Михайловна Александрова, — приятным голосом представилась женщина. — Друг семьи... Мы слы-

шали о вас, сударь. Кажется, это вы спасли его высочество цесаревича от злодейского заговора?

— Это произошло совершенно естественным образом, мадам. Поверьте, я не достоин всех этих... дифирамбов... Могу я увидеть Илью Петровича? У меня есть к нему предложение...

Едва удержался от известного по знаменитому фильму продолжения фразы. Все-таки некоторые штампы остаются с нами на всю жизнь.

— Предложение? — как-то нервно переспросила «друг семьи». — В последнее время Илье Петровичу предлагают только вернуть долги. Это делает его больным...

— О, не беспокойтесь, мадам! Я в некотором роде хотел бы обсудить с генерал-майором то, как ему справиться с этими неприятностями.

— Благодарю вас, сударь. Сейчас я схожу пригласить Илью... — Ага! Друг семьи? Как же, как же. — Но помните! Вы обещали не расстраивать его этими несносными кредитами. Проходите пока в гостиную...

После великокняжеских дворцов, да даже после отцовского дома на Фонтанке, обстановка показалась... убогой. Опрятной и стремящейся соответствовать статусу, но донельзя простой. Самая обычная для жилища среднего чиновника или начинающего купца мебель. Несколько фарфоровых безделушек. Вышарканный ковер на полу. Давно потерявшие цвет шторы на окнах. Никаких излишеств вроде зеркал в полный рост, картин или золоченой лепнины по потолку и бордюрам. Похоже, престарелый генерал все, что имел, истратил на образование детей. Все запасы, накопленные за годы службы. Да еще и в долги влез, без перспективы избавления от неумолимых кредиторов.

Грех, конечно, но меня такая ситуация более чем устраивала. Бедственное финансовое положение семьи Чайковских увеличивало шанс на то, что мне удастся сманить опытного организатора и металлурга в Томск.

Илья Петрович был похож... на воробья. Среднего роста поджарый блондин с седыми висками, растрепанными волосами и задорно блестящими глазами. Наверняка в мо-

лодости не одна юная дева мечтала об этом красавце-мужчине. Да и теперь, в свои семьдесят, он вовсе не казался измученным и больным.

— Не имею чести, сударь, вас знать, — по-наполеоновски заложив руку за полу когда-то богатого шелкового халата и забавно вздернув подбородок, чуть ли не через губу заявил хозяин дома.

— Герман Густавович Лерхе, — улыбнулся я. — Зато я, Илья Петрович, много о вас слышал.

— От кого же, интересно мне знать? — Он что, меня за коммивояжера принял?

— От каинского мещанина господина Куперштоха, — честно признался я, наблюдая за тем, как при одном упоминании еврейской фамилии опускается подбородок бравого генерала. — Вы его столичным родственникам существенно задолжали. Весьма, знаете ли, расстроен этот господин вашими, господин генерал-майор, бедствиями. Чуть ли не на коленях меня умолял помочь...

— Вы же обещали! — шепотом вскричала женщина. Некоторые представительницы слабого пола достигли уже такого мастерства, что способны кричать вполголоса. Елизавета Михайловна — из таких.

— Вы пришли предъявить мне векселя? — скривился Чайковский.

— Что вы, дорогой Илья Петрович, какие еще векселя? — слегка улыбнулся я «другу семьи». — Я, согласно Табели, такой же чин генерал-майора имею, что и вы. Томской губернией начальствую. Да и без этого не бедствую. Вы, видно, обидеть меня хотите? Приношу свои извинения, что явился без приглашения. Однако же должен и даже обязан показать вам кое-что!

Артемка положил пакет с ружьями на комод, торопливо достал из тубы карту и расстелил на столе. Мне оставалось только придавить заворачивающиеся уголки непокорной бумаги фарфоровыми статуэтками.

— Что это? — спросил потрясенный до глубины души моей нахальностью Чайковский.

— Это карта, Илья Петрович, — терпеливо начал объяснять я. — Извольте взглянуть сюда. Вот здесь, и здесь, и да-

льше на юго-запад, на небольшой глубине залегают железные руды. Вот, видите? Здесь я начертил квадратик... Здесь уже этим летом начнут строить каторжную тюрьму и прокладывать дорогу к шахте. Вот тут будет сама шахта... Тут, вот где речка, видите? Начнем возведение чугунолитейного завода...

— А это? — ткнул пальцем в район Анжерки генерал. — Эти значки что значат?

— Здесь каменный уголь, Илья Петрович. А вот так ляжет дорога. Вот так и так. И сюда, к печам. Тут же и кокс будем делать. И для продажи на Урал, и для своих нужд.

— О! Там так плохо с лесом? Чем вам древесный уголь плох?

— Деревья жалко. Лес растет очень медленно, а для железа его нужно весьма много. И так уже на Алтае все повыжгли. Да и дешевле тот, что из земли.

— А дальше? Из чугуна в железо где намерены переделывать?

— Я думал, где-нибудь ближе к Томску. Ближе к реке. Там же и механический завод, чтобы паровые машины строить. И вальцы для рельсов.

— Это лишнее, — рубанул ладонью генерал. — Топлива вдвое больше потребуется. Лучше все вместе... А рельсы-то вам... Герман Густавович? Правильно? Рельсы вам, Герман Густавович, для каких целей потребны?

— А вот эту полосатую линию видите? Это железная дорога. Сперва из Томска в Красноярск. После уже и до Омска...

— Однако! — выдохнул впечатленный размахом моих замыслов Чайковский и сел, позабыв предложить это же мне.

И я стоял у стола, как студент на экзамене у профессора, пока отец всемирно известного в будущем композитора размышлял.

— Это же какие деньжищи! — Женщины всегда прагматичнее мужчин. Генерал о деньгах и не вспомнил, обдумывая организационные и технические проблемы, а вот его «друг семьи» — в первую очередь.

— Около двух миллионов, сударыня, — кивнул я госпоже Александровой. — Не считая чугунки, конечно.

— Да-да, — рассеянно согласился Чайковский. — Не меньше двух...

— И высочайшее дозволение на постройку дороги у вас, господин губернатор, уже, верно, есть? — не унималась женщина.

— Нет, — откровенно признался я. — Но будет. А на строительство железнодорожного уже и бумаги выправлены, и капиталы собраны... В основном.

— А какая выработка железа должна быть у вашего, Герман Густавович, завода? — очнулся генерал.

— Тонн пятьдесят, — пожал я плечами. — Наверное. Я не слишком в этом разбираюсь. Железа должно быть достаточно на все заказы. И на рельсы, и на пароходы, и на мелочи всякие. Я, знаете ли, этим летом намерен достроить дорогу в Китай. А там наши изделия вполне охотно берут.

— М-да... Однако!

Чайковский пятерней взлохматил и без того торчащие как попало волосы.

— Этакий американский размах! Я потрясен. Дерзкий, весьма дерзкий проект. В дикой-то Сибири! Но, смею спросить, отчего вы пришли мне это показать?

— Как — отчего? — Я сделал вид, будто удивился. — Так ведь этому всему нужен управляющий! Человек совершеннейше ваших, дорогой Илья Петрович, качеств. Опытный, знающий и обладающий талантом подбирать нужных людей. Куда же мне еще было это нести?

— В Сибирь? — хихикнул генерал. — Я? Больной и усталый человек? Простите великодушно, но...

— Десять тысяч в год серебром, — чувствуя себя дьяволом-искусителем, перебил я хозяина. — И право самому подобрать себе сотрудников. Могу прямо сейчас выписать вексель в Государственный банк. Это на переезд вам и тем людям, кого вы сочтете нужным принять на службу. И непременно обделайте свои дела с евреями. Сколько там? Рублей пятьсот? Семьсот?

— Пятьсот семьдесят, — вскинув брови, выдохнул он.

А Елизавета Михайловна прикрыла рот ладошкой.

— Пятьсот семьдесят, — хмыкнул я и, без спроса усевшись за стол, принялся писать. — Будем считать, что это мой подарок вашей замечательной семье на Рождество.

— Но нам нужно посоветоваться, обсудить... — Семидесятилетний генерал, профессор и инженер еще пытался остановить катящийся на него вал. — А что, если соблазн окажется слишком велик и я растрочу ваши деньги?

— Ах, я не сказал! В этом случае вы откажете своим детям в безбедном будущем. К жалованью прилагается еще и три процента акций томских железных заводов.

— Пишите, сударь, пишите, — заторопилась госпожа Александрова, судя по всему, очень скоро планирующая сменить фамилию на «Чайковская».

Да я и не сомневался. Лежащий на столе в гостинной листок бумаги с круглой цифрой — сам по себе лучший агитатор.

— Анатолий! — позвал я по-французски, пока Илья Петрович что-то активно обсуждал с Елизаветой у окна.

Парнишка, видно подслушивавший у двери, мигом появился.

— Там. — Я махнул рукой на позабытый всеми пакет с подарками на комод. — Разберись, кому что. В Рождество был слишком занят, прости, что только сейчас...

— Что вы, ваше превосходительство! — сгребая тяжелый сверток — одни ружья весили по три фунта, поспешил он меня оправдать. — Мы-то тем более вам подарки не сделали.

— Герман Густавович! — позвал Чайковский. — Я принял решение согласиться.

— Отлично, — протягивая руку, искренне обрадовался я. Теперь у меня есть на кого свалить хоть часть забот. — Еще две или три недели я буду в столице. За это время вам, Илья Петрович, следует заняться подбором людей и готовиться к дальнему путешествию. В случае любых затруднений... Илья Петрович! Я не шучу! Любые затруднения — и вы ставите меня в известность! О конкретной дате отправления я вас извещу.

— Хорошо, Герман Густавович. — Ну вот, уже и имя мое запомнил. Хорошее начало! — У меня будет время ознако-

миться с новинками в металлургии и снести с некоторыми своими учениками. А если потребуется приобрести что-либо из приборов или инструментов...

— Шлете ко мне посыльного.

— Шлю к вам посыльного, — улыбнулся Чайковский, и Елизавета Михайловна ласково взяла его ладонь в свою. Управляющий моих заводов в надежных руках.

Я заторопился уйти. Наступал момент, когда дальнейший разговор мог превратиться в переливание из пустого в порожнее. Илье Петровичу было что обсудить с Елизаветой Михайловной, и мне не стоило при этом присутствовать.

Тем более что время приближалось к обеду и в животе потихоньку распевались обиженные скудным завтраком кишки. В Аничков дворец назначено на четыре дня. Это означало — кормить не будут. Следовало поесть где-нибудь в городе. Кухарка старого генерала Лерхе была кем угодно — Густаву Васильевичу лучше известно кем, — но только не искусной стряпухой. По правде сказать, из всего, что она рисковала приготовить, я смог без содрогания впихнуть в себя только овсяное печенье. Но нельзя же круглосуточно давиться одним и тем же?! Так от переизбытка овса в организме можно и заржать по-конски!

Благо я являлся обладателем уникального, единственного в своем роде, внутричерепного говорящего навигатора по Санкт-Петербургу. Герочка не дал помереть с голоду, подсказав, что неподалеку от училища правоведения, на Рыночной, есть вполне себе приличный подвальчик, в котором кроме спиртного подают еще и замечательные кушанья из курицы. Так прямо расхваливал покрытые золотистой корочкой жирные тушки с гречишным гарниром, что я чуть слюной не захлебнулся.

Заведение нашлось на том самом месте, где и было во времена моего... то есть Герочкиного — ученичества. И хотя курицу они больше не готовили — то ли поставщик сменился, то ли повар, — но и щи, и котлеты оказались отменными. А вместо компота хорошо пошла ледяная водка. Немного. Граммов примерно сто да под хрустящую кваше-

ную капустку и пьяным меня не сделали, и необходимое расслабление сжавшейся от страха душе подарили.

К полосатой будке караула на подъезде к дворцу я прибыл без десяти четыре. Думал, успею. Думал, это на высочайшую аудиенцию, не имея придворного чина, нужно за пару часов являться, а здесь-то поди проще. Ничего подобного! Два не два, но минут сорок меня точно мурыжили. Сначала пришлось ждать офицера Особого сводного его императорского высочества полка. Потом тот, вспомнив, что список приглашенных на нынешний день остался в караульном помещении, ушел. Неспешно так, с ленцой. Будто бы давая мне время одуматься и сбежать. И очень удивился, обнаружив меня на том же месте. Тем более что действительного статского советника Лерхе в списках не значилось.

Отправили вестового к дежурному командиру собственного его императорского высочества казачьего караула. Николай кроме многого прочего был еще и атаманом всего казачьего войска.

Наряженный как с лубочной картинки — весь в серебряных шнурах и с кинжалом на поясе, — казак пришел не один. Привел еще жандармского поручика, тут же полезшего рыться в тубе с картами и в саквояже с бумагами.

— Вы не представите мне своего спутника? — любезно спросил я казака. То ли водка все-таки взяла свое, то ли отвык я от проявления непочтительности в своей Сибири, только спускать это откровенное хамство я не хотел.

— Это зачем, ваше превосходительство?

— Как «зачем», милейший? Чтобы дальнейшая служба этого исполнительного молодого человека проходила весело... у меня в Томске!

Жандарм отдернул руки от моих вещей, как от ядовитой змеи. Но было поздно. Я уже никуда не торопился.

— Прошу прощения, ваше превосходительство, — порозвел поручик. — Служба!

— Так а я о чем, любезный? Думается мне, Николай Владимирович не откажет мне в переводе такого многообещающего офицера...

Казак, тот, что весь в серебре, хмыкнул и встретился глазами с тем, что сидел на облучке моего экипажа. Артемка хмыкнул в ответ и кивнул. Как равный! На нем-то был обычный полковой мундир, без всяких излишеств, и он не выглядел рождественской елкой.

— Чудно у вас тут, брат, — негромко выговорил денщик. — Не по-людски...

Конвойный тяжело вздохнул и отвернулся. А жандарм увидел шашку и револьвер у моего молодого кучера. Глаза поручика вылезли от удивления.

— Это же... Ваше превосходительство! Простите великодушно, ваше превосходительство! Но оружие следует оставить здесь, ваше превосходительство.

— Пишите опись, — легко согласился я. — Стану уезжать — сверим.

Розовощекий жандарм и вовсе покраснел как вареный рак. Я только что прилюдно усомнился в его честности. А следовательно — нанес оскорбление чести.

— Я...

— Что, любезный? — почти ласково поинтересовался я. Герман уже бился в ярости изнутри в череп, требуя выпустить его гнев наружу. В глазах потемнело. Я поймал себя на том, что с вождением посматриваю на рифленую рукоятку «адамса» у Артемки за поясом.

— Вам, ваше превосходительство, вот в эти двери, — спас положение конвойный. — А казачок ваш покуда у нас в гостях побудет.

Высокая, в два моих роста, створка уже была услужливо распахнута. Гера выл, что нужно еще задержаться, чтобы непременно сунуть в морду кулаком этому обнаглевшему жандармскому поручику. Но я все-таки опаздывал к назначенному времени. Поэтому вошел.

Огромная, словно уходящая в небо, лестница с узкой красной ковровой дорожкой посередине. Какой-то человек в расшитой ливрее забрал у меня пальто с шапкой. Другой, точно такой же, — саквояж и тубу с картами. Третий близнец предложил проводить. Я даже ответить не успел — он уже чуть слышно шелестел впереди подбитыми войло-

ком тапочками. Мои шаги — блестящие английские туфли с твердыми каблуками — просто громом гремели в наполненных эхом залах. Все двери были открыты, и треск каблуков по причудливому, матовому от натирания воском паркету прыгал в очередное помещение вперед меня.

Лепнина. Золочение. Барельефы и картины. Статуи. Много, как в музее. Целые кусты цветущих роз в огромных кадках. Разлапистые тропические пальмы. Ковры и изящная мебель. Множество фарфоровых, бронзовых, серебряных, малахитовых, золоченых безделушек. Фотографии в рамках из ценных пород дерева. Тяжелые портьеры с кистями. Огромные, полные блеска, комнаты. Великолепные залы, в которых невозможно жить из-за постоянного сквозняка. И наконец, как стакан многогранная, двухэтажная, целиком обшитая деревянными панелями уютная библиотека.

Первым бросился в глаза стоящий точно в центре восьмигранника круглый стол, заставленный разнокалиберными бутылками и бокалами. Большая корзина с фруктами смотрелась в этом натюрморте явно лишней, как античная статуя в притоне. И тут я был вынужден согласиться с саркастичным Германом — зря тащил с собой бумаги. Никому-то они тут будут не интересны.

Потом только отыскал глазами цесаревича. Он, обложенный подушками, полулежал на небольшом диванчике. Рядом, в пределах досягаемости, на столике, который сто лет спустя назвали бы журнальным, среди наполовину полных фужеров с кроваво-красным вином, вазочки с конфетами, разряженного револьвера, нескольких игральные карт и фотографий, валялись официального вида бумаги.

К столику был прислонен видимый мне вполоборота парадный портрет красивой девушки с короной на голове.

Сам Никса, обычно подтянутый и по-английски элегантный, теперь был в неряшливо расстегнутом мундире, на снежно-белой рубашке краснели винные пятна. В половине пятого дня он был пьян. За спиной Никсы, наполовину скрытый спинкой дивана, притаился огромный Александр, второй сын императора.

— Ваши императорские высочества, — поклонился я чуть глубже обычного. Изю всех сил стараясь не показать своего разочарования, поспешно отвернулся, стрельнув глазами по остальным обитателям библиотеки. — Господа, здравствуйте.

— А, Герман Густавович! — Глаза Николая блестели, но речь еще не стала заторможенной. Похоже, пить они только начинали. — Садитесь где понравится. У нас ныне без чинов.

— Вот, господа! — Привалившегося спиной к подлокотнику дивана и сидящего прямо на полу ногами к камину князя Мещерского от входа было плохо видно. — Извольте видеть этого странного господина. В нем совершенно нет верноподданнического подобострастия! Он разговаривает с нашим Никсой, как... как...

— Как ты, Вово, — хихикнул цесаревич. — В точности как ты! Оттого и злишься по-детски, что считаешь себя единственным моим другом.

— Николая, — капризно обратилась к Николаю некрасивая, с лошадиным лицом и глазами навывкате девушка лет двадцати, — ты не представишь нам своего гостя?

— О, милая Мари! — на идеальном, не придраться, парижском согласился тот. — Это господин Лерхе, Герман Густавович. Губернатор из Сибири. Вы, должно быть, уже слышали о нем... Вы берите там, — Николай махнул рукой на круглый стол, — бокал. Налейте себе. Станете чокаться со всеми, а я стану вас пугать их титулованием. Начнем, пожалуй, по кругу...

Оставалось подчиниться. Последствия отказа не поддавались прогнозам.

— Князя Мещерского вы уже знаете, но однако же выпейте вместе и помиритесь, — чуть ли не приказал наследник. — А эта чаровница — княжна Мария Мещерская. — Комплимент шел этой чучундре как корове седло, но, похоже, никого, кроме меня, это не смутило. — Вово, Мари все-таки родственница тебе или нет?

— Это зависит от Саши, государь, — притворяясь более пьяным, чем был на самом деле, выдал князь. — Коли он добьется своего, так родственница. А ежели нет, то и нет.

Младший брат Никсы покраснел, чуть ли не жалобно взглянул на Мари, но промолчал.

— Отчего же нет? — продолжал веселиться Никса.

— Чтобы не лишать себя возможности приударить за признанной красавицей, конечно. — Князь отсалютовал бокалом с вином явно наслаждавшейся комплиментами княжне.

Похоже, я один считаю, что обсуждение кого-то в его присутствии — признак неуважения?

— Вот тот господин, ковыряющий ногу малахитовой вазы... — Узколицый, с огромным выпуклым лбом, усатый молодой человек действительно был занят изучением каких-то вкраплений в отполированном камне. — Это Коля... Николай Максимилианович, четвертый герцог Лейхтенбергский.

— Наш Коля по-русски ни бельмеса, — прокомментировал Вова. — Немец, одно слово!

— Willkommen¹, — поздоровался я, протягивая бокал.

— Wieder trinken?² — простонал он, но на приветствие ответил.

— А эта очаровательная скромница — Сашенька Жуковская.

Ничего скромного я разглядеть не смог. Сашенька — кстати, потрясающей миловидности девушка — развалилась на другом диванчике, забросив ноги на подлокотник. Бокал в ее руках был пуст.

— Налейте мне, Герман, — велела она. — Мы с Воронцовым пили на брудершафт, и все кончилось.

— Воронцов — это вот этот бравый гвардейский кавалерист и ротмистр, — тут же пояснил цесаревич. — И ему вина больше не давать. Он становится скучным и принимается грустить. Выпейте теперь с Володей. Это князь Бярятинский, мой адъютант. Ему пьяным быть хорошо. Я его никуда не отправляю пьяным. Он пьяный — такой простой...

Бярятинский мне понравился. Глаза умные. На мунди-

¹ Добро пожаловать (нем.).

² Снова пить? (нем.)

ре — орден Святого Владимира четвертой степени с мечами и бантом. Такие придворным подлизам не дают.

— А там мой Саша, — махнул себе за спину хозяин дворца. — Любимый брат. Говорите с ним по-русски. Он страш-но смущается, когда приходится говорить как-то иначе.

Я обошел диван, перешагнув ноги Вово, и поприветст-вовал большого и грузного второго царского сына.

— Это ведь вы спасли моего брата? — порозовев, обра-тился ко мне великий князь. — Спасибо!

— Я не мог поступить иначе, ваше высочество, — вежли-во ответил я. — У России должна оставаться надежда.

— Утром я получил от Мезенцева рапорт на нашего Гер-мана Густавовича. — Николай даже не потрудился оберну-ться в мою сторону. А быть может, ему было просто больно это делать. Пришлось мне снова перешагивать ноги Ме-щерского и устраиваться на стуле за круглым столом. — И знаете, друзья, что пишет наш фрондер? Он утверждает, что в этом диком Томске господина Лерхе словно бы даже подменили!

У меня все сжалось внутри. А предатель Герочка радост-но завопил: «Я здесь! Вытащите из меня этого олуха!» Аж в ушах зазвенело!

— Потому как пока наш спаситель к новому месту служ-бы не отправился, был он ничем не примечательным чи-новником средней руки. Училище правоведения кончил, в канцелярии княгини Елены Павловны служил и в Мор-ском министерстве. А после и у господина Татарина. Ни особенной отвагой, ни стремлением к воинской службе не отличался...

Володя Барятинский выдохнул, громко, словно бы саб-лей сплеча рубанул, и подкрутил лихо загнутый ус. Бравому кавалеристу пренебрежение армией было непонятно.

— Ты, князь, дальше слушай, — попенял невольно пере-бившему цесаревича адъютанту Мещерский. Не удивлюсь, если узнаю, что Вово уже по недовольному сопению мог определить настроение своего венценосного покровителя.

Усилием воли я заставил себя широко и открыто расста-вить колени, придвинуть к себе корзину с фруктами и взять

виноградную гроздь. И даже не пытался высчитать, к каким выводам может прийти накачивающийся алкоголем наследник престола.

Не думай о лохматых мартышках! Или как там у Ходжи Насреддина было?

— А вот в дороге по пустынному тракту случилось нашему Герману Густавовичу повстречаться с лихими разбойниками. Сколько их было, господин Лерхе? Трое? Четверо?

— Я плохо помню, ваше императорское высочество. — Труднее всего — молча слушать и заставляя челюсти перемалывать полные сока экзотичные для середины зимы ягоды. А вот настала пора говорить — и как-то сразу отпустило. Подумалось, что было бы у жандармов что-то на меня, что-то реальное, а не перечень странных, с их точки зрения, фактов, так эти вопросы мне совершенно в другом месте бы задавали. Не здесь. Не в личной библиотеке Николая. — Кажется, трое.

— Ах как романтично! — пискнула Маша Мещерская. — Отчего даже у Германа в его тьмутаракани есть эти замечательные разбойники, а у нас в столице — только ску-у-ука? Саша, почему вы не найдете мне разбойников?

Александр снова порозовел, наморщил лоб, но не придумал, как ответить. За него это сделал Николай:

— Теперь там тоже их нет, Мари. Губернатор их убил. Перестрелял из револьвера.

— Однако! — потрясенно воскликнул Воронцов.

— Генерал Дюгамель, кажется, за это дело наградил вас знаком к ордену Святой Анны четвертой степени? И оставьте уже эти «высочества». Мы здесь по-простому.

— Да, Николай Александрович, — признался я. — За это. Хотя я не вижу в этом ничего героического. Я спасал жизнь. Себе и своим спутникам.

— Как мило — быть таким скромным, — саркастично протянула Жуковская. — Чего не сделаешь с перепугу...

— Что за револьвер у вас был, Герман? — заинтересовался, не обратив внимания на Сашеньку, Барятинский. — Обожаю хорошее оружие!

— «Бомон-Адамс», ваша светлость.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог.</i>	5
<i>Глава 1.</i> Блеск	7
<i>Глава 2.</i> Матримониальная суета.	40
<i>Глава 3.</i> Немецкий клуб	68
<i>Глава 4.</i> Прелюдия к медным трубам	93
<i>Глава 5.</i> Царский каприз.	120
<i>Глава 6.</i> Колобок	148
<i>Глава 7.</i> Весенний кризис	159
<i>Глава 8.</i> Логистика	192
<i>Глава 9.</i> Люди и камни	221
<i>Глава 10.</i> Три против одного	251
<i>Глава 11.</i> Камни. Слухи. И одно в другом	279
<i>Глава 12.</i> Семнадцать мгновений зимы	316